

Т. А. Дрыжакова (Легошина)
Эхо прошедшей войны

В год 60-летия Великой Победы. Некоторые наиболее
памятные картинки — «бои местного значения» —
с моей войны

Т. А. Дрыжакова (Легошина)

**Эхо прошедшей войны. В год
60-летия Великой Победы.
Некоторые наиболее памятные
картинки – «бои местного
значения» – с моей войны**

«Издательские решения»

Дрыжакова (Легошина) Т. А.

Эхо прошедшей войны. В год 60-летия Великой Победы.
Некоторые наиболее памятные картинки – «бои местного значения» – с моей войны / Т. А. Дрыжакова (Легошина) —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851219-3

Это книга воспоминаний о Великой Отечественной войне. Она написана участницей тех давних уже событий. Читатель увидит войну глазами совсем ещё молодой девушки, которая провожала на фронт родных и друзей, рыла окопы в тылу, а потом и сама прошла фронтовыми дорогами через Украину до самой Германии. Она мёрзла и голодала, попадала под бомбёжки, теряла однополчан. Но всё-таки дождалась Победы в войне, которая так круто изменила её жизнь, жизнь её ровесников, изменила жизнь всей страны и всего мира.

ISBN 978-5-44-851219-3

© Дрыжакова (Легошина) Т. А.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Сегодня – уже была война	7
Комсомольцы – добровольцы?..	9
Как родная меня мать провожала	11
Мы едем, едем, едем...	13
Знаете ли вы украинскую ночь?	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Эхо прошедшей войны В год 60-летия Великой Победы. Некоторые наиболее памятные картинки – «бои местного значения» – с моей войны

Т. А. Дрыжакова (Легошина)

Редактор Ольга Владимировна Дрыжакова

© Т. А. Дрыжакова (Легошина), 2017

ISBN 978-5-4485-1219-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На фронте смерть ходила за нами по пятам и могла настигнуть в любую минуту, потому и молили Бога в критический момент лишь о том, чтобы «пронесло» на этот раз, а когда «проносило», радовались отсрочке и возможности пожить ещё. Фронт – это совсем другой мир: другие измерения, другие ценности, другие мысли, чувства – другая жизнь. И, главное, другое отношение к ней – начинаешь её больше ценить, любить и беречь.

Вместо предисловия

У каждого из нас – Своя война.
И память воскрешает
То, что близко.
В той памяти,
Естественно, она
Прописана
По собственным пропискам.
Тот городок
И этот городок,
Деревня та,
Село иль просто хата...
Мы в самом деле
Тысячи дорог
Прошли, чтоб оказаться
В сорок пятом...
И остаются
Памяти верны
Окопы, сёла,
Города и страны...
И люди, не пришедшие с войны,
И те,
Кто перевязывает раны.

С. Баруздин

Сегодня – уже была война

Чудесное воскресное утро, прекрасное настроение, да каким ему ещё и быть? Всё пока для меня складывается наилучшим образом. Успешно сданы экзамены за 9-й класс, принято важное, определяющее дальнейшую жизнь решение: перешагиваю через 10-й и поступаю в учительский институт – зачем терять целый год жизни, когда не терпится скорее начать самостоятельную жизнь? Конечно, институт даже не педагогический, и специальность учителя меня мало привлекает – хотелось бы что-нибудь поинтереснее. Но я, заранее учитывая этот немаловажный факт, подала заявление на курсы стенографистов. Как раз сегодня утречком пришёл для меня пакет из Москвы с инструкцией, планом работы и первыми заданиями. Отлично! Я уже видела себя в обществе интересных и, если повезёт, знаменитых людей: записываю их выступления, беседы, доклады. Мне это казалось более интересным и значительным занятием. Теперь можно сообщить об этом и родителям, они поймут меня, ведь и их планы не будут нарушены – я буду учиться в институте и заочно на курсах. У меня получится, я смогу, и они об этом знают.

Многие знакомые ребята тоже стоят перед выбором – куда пойти, где себя найти. Некоторые уже свой выбор сделали, и мы вчера получили приглашение от одного из них, Николая Назарова, на прощальный обед по случаю его отъезда в военное училище. Объявил он об этом только вчера, а до этого хранил гордое молчание. И радостно за него и немного грустно – уедет, можем не скоро увидаться. Он парень моей подруги Шуры Легошиной №2, но вчера, с её разрешения, провожал меня и очень просил прийти завтра на обед.

Завтра – это и есть сегодня – 22 июня 1941 года. Погода отличная, настроение праздничное, и приглашение необычное – в лес, за Суру, на молодёжный праздник. Пора собираться, новое платье приготовлено заранее. Отец Николая – лесничий, и живут они в лесу, в хорошем домике на другом берегу Суры, и мы переправляемся туда на лодке. Нас ждали: столы накрыты на поляне, окружённой большими деревьями и цветущими кустами. Всё было красиво, празднично, вкусно, весело.

С сестрой Катей. Будущие фронтовики.

После обеда разбрелись по лесу – парами, группами. Вышли на берег Суры, и вдруг неожиданное происшествие. Самый большой парень (к сожалению, не помню его имени) совершенно неожиданно прыгнул прямо в costume в реку. Надо сказать, что река наша, Сура, норовистая: и течение сильное, и глубина местами хорошая, и берег здесь очень крутой и высокий. Поднялась суматоха – кто спасать, кто выяснять причину такого неординарного поступка. Вытащили, привели в чувства, обсушили. Оказалось, в нём заговорила обида на девушку, которую увёл другой. Объяснились, взрослые нас пожурили, успокоились.

День был уже на исходе – темнело. Пошли на берег усаживаться в лодку. Мальчишки гребли, а я заметила, что они часто пробуют достать до дна. Насторожилась, но получилось всё равно неожиданно. Гребцы в очередной раз проверили глубину и, видимо, посчитав её неопасной, перевернули лодку – мы все вывалились в воду. Крики, визг, вопли, ругань и... смех. Некоторые девочки не умели плавать, и не трудно представить себе ужас, который они испытали. Но все самостоятельно выбрались на берег – мокрые, перепуганные – стали отжимать свои платья, и опять, ругаться и смеяться.

Домой я пришла, когда было совсем темно. Пробралась тихонько в дом и полезла на печку, чтобы повесить посушить своё новое платье, и услышала перепуганный крик мамы – я нечаянно задела её мокрым платьем по лицу. И зачем она полезла на печку, недоумевала я, ведь лето же? Удивило меня и то, что ругать она меня не стала, а снова легла.

Мне спать не хотелось, и я, переодевшись в сухое, пошла на улицу. Около одного из домов – ребята, другие, пришедшие из Колояра. Они ожидали нас. От них-то я и узнала, что уже идёт война, об этом передавали по радио ещё днём, а рано утром бомбили наши города, в числе которых был и Севастополь, где учился мой брат. Теперь мне стало понятно поведение мамы. Услышав об этом, она нарисовала себе картину, печальнее некуда – курсанты ещё спят (ведь всего 4 часа утра), а бомбы падают на них, спящих, и всех убивают. От расстройства у неё разболелась голова, и она полезла на теплую печку – она часто так делала. А мне всё не верилось, может инцидент какой? Нет, говорили ребята, идёт настоящая война.

А Николая Назарова, ни мы, его друзья, ни родители, больше не видели никогда.

Комсомольцы – добровольцы?..

Вообще-то тут ни вопросов, ни сомнений нет – комсомольцы в большинстве своём добровольцы и есть, приведу лишь один пример. Только из нашего 10-го класса Бессоновской средней школы в течение 1941—1942 учебного года 45 человек ушли добровольно кто в военные училища, кто – в ремесленные, а те, кто постарше, – прямо на фронт. Я не ошиблась в подсчёте: на начало учебного года в 10-том классе числилось 65 человек, на конец – всего 11, из них 10 – девочек и только один юноша, Вася Чернов, застрявший среди нас по состоянию здоровья. Другое дело, не все комсомольцы успевали воспользоваться своим правом – одни по причине малолетства или по состоянию здоровья, другие – по семейным обстоятельствам, третьи – в силу занятости на других, трудовых, фронтах.

В июне 41-го года я только что окончила 9-ый класс, когда мне ещё не было и семнадцати, и это было время полного смятения и всеобщей мобилизации. Даже задуматься над вопросом, что делать, долго не позволили, остро требовались рабочие руки, и меня сразу же определили на тяжёлые колхозные работы: покос, жатва. Косили вручную, мужчин всего ничего, и те старики или инвалиды. Самым крепким среди них был мой отец, по возрасту не подлежащий мобилизации. За ним не соглашалась вязать снопы ни одна женщина, считалось, что он может замучить «до смерти» – уж больно здоров на работу, да и хлеба ел вдоволь. «Наестся пирогов, – говорили, – и поди, успеи за ним». Вот и пришлось ему взять меня в пару к одной молодой женщине, отважно согласившейся на его уговоры.

Скажу – не утаю: вязать снопы – работа весьма тяжёлая, ни тебе присесть, ни разогнуться – только успевай хватать, вязать и ставить. А я без сноровки, да и силёнок у меня было всегда маловато, вдвоём еле-еле успевали за ним. Он-то останавливался, жалеючи нас, но не надолго – времени терять было нельзя, хлеб следовало убрать до дождей и без потерь, он нужен был фронту. Подойдёт время обеда, и я падаю там, где стою, и никакая сила не сможет поднять меня даже поесть. Отлежусь часок, пожую, что дадут в руки, и опять хватать, вязать и ставить. Так прошло лето.

В сентябре пошли в школу – поздоровались, перегруппировались, обменялись новостями, несколько дней позанимались, превратив каждый день занятий в день проводов. Сначала проводили учителей, потом десятиклассников на фронт, потом, уже постепенно, уходили другие. Оставшаяся группа использовалась на уборке урожая – это было задачей номер один – во что бы то ни стало убрать урожай. До глубокой осени придерживались следующего графика: занятия в школе проводились только в ненастную погоду, хорошая – использовалась для уборки урожая. Думали, что зимой наверстаем упущенное в учёбе, но война вносила свои коррективы.

Фашисты в своём безумном азарте захватить, во что бы то ни стало, Москву предприняли новую попытку обойти её с востока и уже приближались к нашим родным местам. Требовалось принимать меры защиты рубежей. На правом берегу реки Суры стали возводить оборонительные сооружения, противотанковые рвы. Привлекли всё взрослое население окружающих деревень и учащихся 8—10 классов. Чтобы поточнее описать состояние этих горе-строителей, мне придётся прибегнуть к строчкам из стихотворения Некрасова «Железная дорога»: «...он (строитель) молчит и механически ржавой лопатой мёрзлую землю долбит». Точнее не скажешь, именно всё так и было: лютый мороз, промёрзлая земля и те же орудия труда – лопата и у некоторых лом, сам по себе представляющий тяжесть. И всё-таки разница со стихами была – там речь шла о мужиках, а здесь – женщины и дети. Учащиеся 8-ых классов не выдержали и вскоре разбежались по домам, старшекласники, комсомольцы, продержались до конца.

Учебный год промучили, получили аттестаты. Возвращаясь с выпускного вечера в 6 часов утра, встретила маму с известием, что меня посылают на строительство военного аэродрома в Бессоновке. Теперь к тяжёлым работам прибавились ещё и ежедневные поездки на пригородном поезде – в 3 часа утра туда, в 11 вечера оттуда. Сил не хватало даже на чтение писем от знакомых ребят с фронта, о которых мне сообщала Варя, младшая сестра. Я её спрашивала, что пишет, и довольствовалась её ответами, а чтоб возмутиться, почему она читает чужие письма, мне и в голову не приходило, – наоборот, я была ей благодарна за внимание и помощь.

Как родная меня мать провожала

После окончания курсов бухгалтеров вернулась я в свой родной колхоз, и определили меня на должность не бухгалтера, а всего лишь счетовода. Ладно, думаю, будет меньше ответственности. Святая простота! Вот от неё-то меня как раз никто освобождать и не соби-рался. Сразу же столкнулась с проблемой – несоответствием между тем, чему учили и тем, что делали. На все мои возражения реагировали снисходительной улыбочкой, какая, мол, ты ещё совсем дурочка. Дурочкой я себя не считала, пожаловалась отцу. В результате пере-говоров «на высшем уровне» пришли к соглашению: заставлять подписывать незаконные документы меня больше не будут, а такая я им не нужна была. Меня стали использовать не по назначению. Я и учётчик, и бригадир, и пропагандист-агитатор, то есть, работала непо-средственно с людьми. Меня это устраивало, а ходить в поле даже нравилось.

Другая проблема посложнее. Меня угнетало осознание того, что я всё время нахо-жусь под прицелом любопытных и даже косых взглядов – мне завидуют, мной попрекают, а больше недоумевают, почему это я столько времени дома. Особенно страдали мои роди-тели, им приходилось по-своему защищать меня и оберегать. К нам в дом по вечерам стали наведываться работники райвоенкомата, особенно зачастил один помоложе, и его каждый раз угощали чем бог послал. Думаю, неспроста тратились мои старики на угощение для него. На мой прямой вопрос, зачем они делают это, отец смущённо ответил, что он и корову не пожалеет, лишь бы отстоять меня от них. Такая перспектива не устраивала меня, и я спро-сила его: «Ну, а дальше-то, что? Дом продашь?» Вроде убедила.

Теперь мама. Как только я приходила домой – днём ли, вечером ли – она тут же отпра-вляла меня в амбар «отдохнуть» или «не мозолить глаза людям». На этой почве у нас с ней стали возникать серьёзные разногласия: она меня посылает в амбар – я возмущаюсь – она сердится. И вот однажды, когда в очередной раз она собиралась отправить меня в амбар, я пригрозила, что, если она не перестанет меня прятать, я сама пойду в военкомат и попро-шусь на фронт. Надо же было мне сказать такое и уйти, оставив её в душевном смятении, а немного позже мне самой пришлось пережить нечто подобное.

По дороге в Грабово я встретила нарочного из сельсовета с повесткой для меня, кото-рую он мне и вручил. Завтра в 8 часов утра с вещами явиться на сборный пункт в Бессоновку. Господи, думаю, ведь не поверит она мне, когда увидит меня с повесткой в руках, подумает, что это я сама её выпросила. Что же делать? Оправившись от минутного замешательства, отдаю повестку обратно посыльному и прошу отвезти её к нам домой и не говорить, что встретил меня. Когда же вечером я вернулась домой, мама сама подала мне повестку.

Сборы – коротки: сообщила отцу, сходила к подруге Вале Долговой проститься, а вер-нувшись домой, застала здесь брата Василия, приехавшего в 10-дневный отпуск после ране-ния. Набежали родные, соседи – все рады видеть живого фронтовика. Сели за стол, и непо-нятно было, встречу ли отмечают, проводы ли – всё смешалось как в доме Облонских. Мне показалось, что радости было гораздо больше, чем печали, и это не удивительно, ведь столько пришлось пережить родителям за жизнь любимого сына.

Обо мне вспомнили только утром. Брат оглядел меня критическим взглядом и спросил, далеко ли я собралась в таком виде. На фронт? В туфельках на каблучке? В нарядном пла-тье? Засуетились мои сёстры, мама – раздели меня и вновь одели, теперь уже во всё новое, простое и крепкое. Потом, на фронте, когда нас очень долго не обмундировывали, эти доб-ротные вещи сослужили мне добрую службу.

Всей гурьбой отправились в Бессоновку пешком, а тем временем весть о приезде брата успела распространиться на всю округу, и нас ожидали почти у каждого дома нашей много-численной родни. Вместо 8-ми утра мы прибыли только к вечеру и, ещё не доходя до военко-

мата, слышали крики: «Счетовод из „Сталина“! Счетовод из „Сталина“!» Значит, меня здесь давненько ждут. Объясняться с военкомом пошёл мой брат – фронтовик, выше его по званию, – и тот спустил тормоза: перестал грозить мне трибуналом, и даже отпустил ночевать домой, только с тем, чтоб уже завтра без опозданий явиться на сборный пункт прямо в Пензу.

Провожала меня утром рано к поезду крёстная Свистунова, мама не могла, лежала с тяжёлой головной болью после всех волнений. В Пензе нас продержали несколько дней, в один из которых навестила меня мама и обещала приехать проводить. Не приехала, и никто не приехал, я была единственной, кого никто не провожал на фронт. Надо ли писать, что мне было не по себе?.. Писать просили? Не дождётесь! С тем и уехала. Это потом я узнала, что в семье произошло ЧП со старшей сестрой, и родители срочно решали эту проблему.

Угроза моя в отношении родителей продержалась до первого боевого крещения. Перед лицом смертельной опасности она мне показалась такой мелкой и незначительной, и я обещала, что сразу напишу домой, если, конечно, останусь жива. Написала сразу же.

Мы едем, едем, едем...

Погрузились в эшелон, отправляемся на фронт. Хоть и не сумели мои родители приехать проводить меня, как обещали, продуктами снабдили заранее: насушили сухарей, напекли булочек. Выдали нам и сухой паёк – сухари на несколько дней. Зачем они мне, подумала я, у меня есть свои, белые. Да, пожалуйста, берите, сколько хотите. Они, мои новые попутчицы, и брали, сколько хотели, так что через несколько дней у меня ничего не осталось – ни своих, ни казённых. По времени мы давно должны были добраться до места назначения, а мы всё ещё в пути, и конца этому пути не видать. В дороге нас покормили всего один раз – в Тамбове. У кого-то ещё что-то из припасов осталось, и они потихоньку в уголке жевали, у меня же – совсем ничегошеньки. И я не помню, чтобы кто-то со мной чем-нибудь поделился. Впрочем, и делиться-то было нечем – всё, что взяли из дома, и паёк, и сухари, всё съели. Так и ехали голодные до Казачьей Лопании – станции недалеко от Харькова, запомнилась она мне на всю оставшуюся жизнь.

Поезд остановился, и мы увидели женщин, направляющихся к нашему вагону. В руках у каждой был хлеб. Мы зачарованно глядели на него: маленькие буханочки хлеба. Наконец сообразили, зачем женщины идут к нам. Девочки быстро начали рыться в своих мешках, вытаскивая оттуда свои «лишние» вещи, чтобы обменять их на хлеб. А я всё смотрела на одну буханочку – совсем маленькая, скорее булочка, но такая белая, пышная, румяная, что у меня даже дух от волнения перехватило. Достала и я своё новое красивое платье, которое зачем-то положила в мешок, и выменяла его на эту буханочку. От счастья у меня слёзы на глаза навернулись. Прижимаю её к себе, но не трогаю, потому как женщина не уходит от вагона, а всё со всех сторон разглядывает моё платье. Вроде бы, она довольна своим обменом, но я смотрю на неё ещё со страхом: вдруг раздумает и заберёт мой хлеб обратно. Вот тогда я точно бы не пережила такого обмана. Наконец она ушла, а я вздохнула полной грудью и стала причащаться.

В Харькове нас должны были встретить представители 14-ой железнодорожной бригады, но пока никого нет, и мы остаёмся в вагоне всё такие же голодные. Той булочкой только аппетит раздражила, да и когда это было?..

Через раскрытую дверь вагона недалеко от станции увидели базар, «толкучку»: мозг наш заработал напряжённо, хотя хорошо понимаем, что лишних вещей ни у кого из нас не осталось. Что же делать?.. И тут одна из нас – энергичная, решительная – первая ответила на этот вечный вопрос. Она велела нам всем вытряхнуть содержимое вещмешков на нары, и сама начала рыться в наших вещах и отбирать всё, что могло представлять хоть какую-то ценность. У меня, например, забрала две новые сорочки, а мне взамен бросила одну, чужую и ветхую; забрала мою новую блузку, а взамен уже ничего не дала – велела сказать спасибо, что оставила мне мой вельветовый жакет. Так я его надевала потом прямо на старенькую сорочку, а когда, наконец, получили обмундирование, расплатилась им с хозяйкой за ужин.

В общем, набрали тряпок со всех понемногу, отнесли на базар, продали и на вырученные деньги купили хлеба. Разделили на всех и заморили червячка. Стало чуть веселее ждать встречи со своей судьбой. Наконец-то дождались. За нами приехали на машинах, но прежде чем погрузить, нас накормили обедом. В кои-то веки мы, кажется, досыта наелись и, счастливые, отправились навстречу своим невесёлым приключениям.

Знаете ли вы украинскую ночь?

Прибыли в часть. Находимся на карантине в заброшенной на краю городка хате. «Тиха украинская ночь», – писал классик, а от себя добавлю: и тепла, даже в конце октября. Недалеко от нас озеро, это как раз то, что нам нужно. Решили использовать возможность и помыться. Нас ещё не обмундировали, хотя должны были сделать это до того, как гнать на фронт. И вот мы сейчас в своём истрёпанном, грязном за время долгого следования тряпье. Сухой паёк выдали на две недели, а добирались больше месяца. Поэтому вещички, что получше, мы обменяли на хлеб, оставив себе всё самое старое, ветхое и... в одном экземпляре, так что постирушку можно было организовать именно ночью, когда нас, раздетых, никто не увидит.

Постирали, помылись, разбросали своё нехитрое вещь-имущество на плетне и, довольные, улеглись на постели. Постели как таковой нам не приготовил никто – был пол, вещмешок вместо подушки и фуфайка, которую хоть стели, хоть накрывайся ей.

Отдыхать в эту ночь нам не пришлось: как нас и предупреждали, ночью начался налёт. А мы раздетые и не можем выполнить строгий приказ начальника бежать в укрытие, в нашем случае, в канаву. Не знаем, как нам быть, совсем растерялись. Смотрят на меня – я категорически отказываюсь бежать куда-либо. Девушки в панике, а бомбы уже всю утюжат нашу территорию, и паника соответственно возрастает. У некоторых началась истерика. Понимаю, что всё дело во мне, без меня они одни и бежать боятся. Я тоже боюсь, но не показываю вида и считаю себя самой смелой. Наконец не выдерживаю воплей и принимаю решение. На голое тело надеваю фуфайку – единственную сухую одежку, на плечи – пустой домашнего производства вещмешок, на ноги – туфлишки, и к двери – пошли! Но почему-то никто не рвётся бежать, все вроде ошеломенели. Поворачиваюсь назад и встречаю взгляды своих несчастных подруг... Какую картинку явила я им своим видом, легко можно себе представить. Они ещё минутку молча на меня посмотрели, схватились за животы и повалились на «постели». Обстановка разрядилась, что и требовалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.